

мусульманок — государственных деятелей: к примеру, легендарная царица Сиюмбике... И сегодня мусульманка общественно активна: женщины в исламском мире осваивают новые компьютерные технологии, занимаются преподавательской, политической, журналистской деятельностью, врачуют, обучают» [7. С. 14].

В книге приводится перечень знаменитых мусульманских женщин, а также требование, которого в феминистских течениях на Западе не предъявляют к женщинам, требование совмещать общественную деятельность с заботами о своей семье в весьма категоричной форме. «Когда женщина перестает интересоваться семьей, она уже не женщина» [7. С. 19].

Мусульманская религия в отличие от христианской не допускает, вероятно, теории андрогинности. В книге «Женщина в исламе» сказано: «В высказывании Пророка четко огораживается проклятие как в адрес тех женщин,

которые стараются походить на мужчин, так и тех мужчин, которые стараются походить на женщин. Такого рода действия противоречат природе человека» [7. С. 28].

В книге значительное место уделяется образу женщины и внешнему (одежда) и внутреннему, поклонение Аллаху, отношение к семье, мужу. В соответствии с принципом взаимного уважения не меньше внимания уделяется и отношению мужчины к женщине, особенно жене, подчеркивается, что «истинный мусульманин является идеальным мужем» [7. С. 94].

Таким образом, большинство рассмотренных книг призывают к взаимному уважению мужчин и женщин, показывают наличие не только культа Вечной Женственности, но и культа Вечной Мужественности, которые в свою очередь становятся новой гармонией, ведущей к воссоединению человека и человечества с Богом.

Литература

1. Богин И. Вечная женственность. СПб.: Алетейл, 2003.
2. Гуревич И.А. Избранные труды. Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
3. Евдокимов П. Женщина и спасение мира. Минск, Лучи Софии, 2007.
4. Лесная И. Имена и судьбы. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2008.
5. Мельхиседек Д. Дух Маат. Священная женственность. М.: ООО «София», 2007.
6. Нуруллина Г. Женщина в исламе. М.: Изд. дом «Умма», 2003.
7. Роуз Ш.. Путь жрицы, путь богини. М.: ООО «София», 2007.
8. Смоули Р. Сокровенное христианство. М.: ООО «София», 2005.

УДК 123.1:343.575

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И НАКАЗАНИЕ ПО И. КАНТУ

Суденко Владимир Егорович, кандидат юридических наук, доцент, sudenko@yandex.ru, ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва

The author examines the category of Justice in relation to criminal punishment in the teachings of Immanuel Kant, German philosopher, the founder of German classical philosophy. According to Kant the punishment is the State's response to crime, the achievement of justice in society.

Рассматривается категория «справедливость» в соотношении с уголовным наказанием в учении И. Канта — немецкого философа, родоначальника немецкой классической философии. По Канту наказание есть реакция государства на преступление, а назначение наказания — реализация справедливости в социуме.

Key Words: crime, punishment, justice, criminal justice, punitive justice

Ключевые слова: преступление, наказание, справедливость, уголовное правосудие, карательная справедливость

Взгляды И. Канта на вопросы уголовного права, прежде всего, на проблемы уголовной ответственности и применения уголовного наказания за совершенное преступление привлекали и привлекают пристальное внимание ученых юристов. Это является следствием того, что в теории уголовного права, по И. Канту, основным является вопрос, когда и почему лицо подлежит уголовной ответственности. Решение этого вопроса по существу вытекает из основных положений философии права этого немецкого ученого.

И. Кант во введении к «Метафизике нравов» называл нарушением всякое действие, противоречащее какой-либо установленной обязанности, преступлением же он называл только умышленные нарушения [1].

В процессе решения вопроса об объеме уголовной ответственности и, соответственно, наказания, И. Кант учитывает не только объективную сторону преступления, а именно, тяжесть преступного деяния и его последствий, но и субъективные моменты. Именно субъективные моменты оказывают существенное влияние на объем уголовной ответственности. Кант обращает особое внимание на необходимость учитывать душевное состояние лица во время совершения преступления. Он пишет во введении к «Метафизике нравов», что при решении вопроса об уголовной ответственности за совершенное преступление необходимо учитывать не только общественную опасность содеянного (объективный момент состава преступления), но и те препятствия, которые пришлось преодолевать субъекту для совершения преступного деяния. Чем больше препятствий объективного характера (естественных) преступнику необходимо преодолеть для достижения своей цели, тем больше должна быть и уголовная ответственность за деяние, совершенное им.

Если говорить о препятствиях субъективного порядка (нравственные обязанности любого человека), то чем больше пришлось виновному лицу преодолеть их, тем выше будет и его уголовная ответственность и, как следствие, более строгое уголовное наказание, применяемое к нему. Здесь прослеживается стремление Канта обратить внимание на необходимость при определении меры уголовной ответственности учитывать душевное состояние лица во время совершения преступления — было оно совер-

шено в состоянии сильного душевного волнения (аффекта) или в спокойном состоянии.

С суждениями И. Канта перекликается мнение известного русского дореволюционного юриста Н.С. Таганцева, который в конце XIX столетия указывал: «Личность преступника, проявленная в преступлении, ее физические и психические особенности, наклонности, черты характера, энергия ее воли, представляются только одним из элементов, определяющим общественное и индивидуальное значение деяния, и через то влияющим на меру его наказуемости» [5]. Об этом же говорит ст. 60 Уголовного кодекса РФ (УК РФ): «При назначении наказания учитывается... личность виновного...» [6].

Кант отмечает, что отрицательные последствия, наступившие в результате совершения противоправного деяния, вменяются в вину лицу, его совершившему. В этом просматривается принцип виновной ответственности, субъективного, но не объективного вменения (принцип вины в уголовном праве — ст. 5 УК РФ).

Назначение наказания лицу, совершившему преступление, является последствием признания за таким лицом вины и вытекает из положения о виновной ответственности. При этом применение уголовного наказания к преступнику Кант рассматривал как осуществление справедливости. По его мнению, понятие *карательной справедливости*, принадлежащей государственной власти, вытекает из идеи государственной организации людей (*курсив мой — В. С.*) [1. С. 291].

Сообразовывать свободу каждого в обществе со свободой всех членов общества — требование практического разума, которое реализуется применением законов государства. Отсюда, как считает Кант, любое преступление является одновременно посягательством на свободу отдельного лица и на общую свободу, поскольку оно нарушает требование категорического императива как абсолютного веления разума, не терпящего никаких отклонений. «Карающий закон есть категорический императив», — заявляет И. Кант в «Метафизике нравов» [1. С. 256]. Если рассматривать уголовный закон, то его требование — это требование высшего нравственного закона, значит можно сказать, что оно и абсолютно, и безусловно. Именно поэтому назначение уголовного наказания не нуждается в его дополнительном обоснова-

нии теми или иными утилитарными целями. Единственной задачей уголовного наказания выступает справедливость, являющаяся основой существования государства, без которой не может существовать сообщество граждан.

В соответствии с требованиями категорического императива, посредством наказания осуществляется справедливость, и одновременно защищаются прирожденные права лица, совершившего преступление, как разумного существа. Уголовное наказание, отдавая должное достоинству личности преступника как человека, является прямой обязанностью государственной власти, а не только его правом.

Таким образом, осуществление справедливости при назначении наказания является высшей целью уголовного правосудия, а потому, считает Кант, совершенно недопустимо по каким-то утилитарным соображениям освобождать преступника не только от предназначенного ему наказания, но даже от его части. «Карающий закон есть категорический императив, и горе тому, кто в изворотах учения о счастье пытается найти нечто такое, что по соображениям обещанной законом выгоды избавило бы его от кары или хотя бы от какой-то части ее, согласно девизу фарисеев: «Пусть лучше умрет один, чем погибнет весь народ»; ведь если исчезнет справедливость, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [1. С. 256].

Исходя из взгляда на наказание как на осуществление справедливости, имеющей абсолютное значение, И. Кант дает ответ и на следующий казус: «Сохранить жизнь осужденному на смерть преступнику, если он даст согласие подвергнуть себя опасным опытам (причем все это закончится для него благополучно) с тем, чтобы врачи могли таким образом получить новые полезные для общества научные сведения?». На это вопрос И. Кант дает недвусмысленный четкий отрицательный ответ: «Суд с презрением отклонил бы подобное предложение медицинской коллегии, ибо справедливость перестает быть таковой, если она продает себя за какую-то цену» [1. С. 256–257].

Об абсолютном значении справедливости И. Кант писал еще в 1795 году в работе «К вечному миру», считая формулу «Fiat justitia, pereat mundus» хотя и несколько громко звучащей, но предельно ясно выражающей значение справедливости. По Канту, смысл приведенного афоризма звучит так: «Да здравствует справед-

ливость, если даже от этого погибнут все плуты в мире» [2. С. 299–300].

Абсолютное значение справедливости связывает власть, не позволяет ей отказывать кому-либо в праве или ограничивать кого-либо в его правах по соображениям недоброжелательности или сострадания к кому-либо.

Теория наказания по Канту есть абсолютная теория наказания, согласно которой оно назначается во имя справедливости, и потому что совершено преступление. Однако если наказание не может быть продиктовано какими-либо утилитарными целями, то это вовсе не означает, что Кант отрицает возможность, после того как осуществлена справедливость, помимо еще осуществить те или иные непосредственно полезные цели применения наказания. В дополнении к «Метафизике нравов» И. Кант специально указывает на это: «Карательную справедливость, поскольку аргумент наказуемости — моральный аргумент, следует... отличать от благоразумия в вопросах наказаний, которое носит чисто прагматический характер и основывается на опыте относительно того, что действует сильнее всего для предотвращения преступления» [1. С. 292]. Однако эти последние задачи (предупреждение преступлений) могут быть поставлены и разрешены лишь после того, как судебный приговор полностью удовлетворил требованиям карательной справедливости.

И. Кант в своих работах не пытается подробно развить проблему возможности осуществления утилитарных целей наказания после осуществления наказания как карающей справедливости. Постановка этого вопроса Кантом самым тесным образом связана с возможностью рассмотрения человека и как «вещи в себе», и как «явления», данного нам в опыте. Рассмотрение человека как «вещи в себе» приводит его к взгляду на наказание как на акт, воздающий карательной справедливости. Если обратиться ко второй точке зрения в подходе к рассмотрению человеческого поведения, она позволяет рассматривать преступника как существо, в своих действиях полностью подчиненное закону причинности.

В соответствии со второй позицией можно рассматривать цели наказания как его воздействие на личность преступника для того, чтобы он больше не совершал преступлений (*специальная превенция* — В.С.), и как воздействие

наказания одного преступника на всех других граждан для отвращения их от совершения преступления угрозой возможности применения наказания (*общая превенция* — В.С.). Такой дуализм философии И. Канта позволяет развивать по существу противоположные взгляды на цели наказания.

Кант считает, что применение наказания должно осуществлять карательную справедливость и приходит к выводу, что это может быть достигнуто при равенстве наказания преступлению, при воздаянии «равным за равное». Только право возмездия, осуществленное в рамках правосудия, может удовлетворить, по Канту, карательную справедливость. Всякий другой принцип назначения наказания И. Кант считает сомнительным, поскольку он не может удовлетворить требования чистой и непреклонной справедливости. В то же время Кант прекрасно понимал, что буквально абсолютное проведение этого принципа на практике невозможно, и этот принцип наказания можно и должно проводить лишь в смысле равенства между чувством страдания, причиненного потерпевшему преступлением, и страдания, причиненного наказанием преступнику.

Весьма интересны рассуждения И. Канта о справедливости видов назначенного наказания за те или иные виды преступлений. Он считал недопустимым подвергать денежному штрафу за оскорбление, поскольку такое наказание не состоит ни в каком справедливом соотношении с нанесенным оскорблением. Кант считает, что при таком наказании богатый человек мог бы позволять себе сколько угодно оскорблять других людей только ради своей прихоти. По Канту, не требуется ответного оскорбления со стороны оскорбленного оскорбителем, однако при этом он не считает равным и достаточным принесения извинений обидчиком. Требование карательной справедливости будет удовлетворено только тогда, считает И. Кант, когда оскорбителю по приговору суда будет принужден поцеловать руку у потерпевшего (!), даже если последний и более низкого социального положения. За нанесенное оскорбление должно последовать умаление чести виновного в оскорблении другого человека.

Если «знатный насильник» наносит вред стоящему ниже его по положению, но невиновному гражданину, то Кант усматривает применение к такому лицу принципа справедливого воздаяния, которое заключается в том, что

помимо извинения преступник должен быть приговорен к отягощенному одиночному заключению. Этим самым кроме неприятностей, связанных с лишением свободы, будет также страдать и тщеславие преступника, и таким образом причиненное потерпевшему унижение, будет отомщено соответственно равным унижением. Это и будет, по Канту, справедливым наказанием (карающей справедливостью).

Актуальны для нашего времени рассуждения Канта относительно выдвинутого им положения, что «если ты украдешь, то ты обкрадываешь самого себя». И. Кант по этому положению дает специальное разъяснение. Кто крадет, тот делает имущество всех других лиц необеспеченным законом. Поэтому сообразно принципу справедливого воздаяния, он должен быть лишен правовой основы охраны своего собственного имущества, как настоящего, так и будущего. По Канту, карательная справедливость требует, чтобы вор лишился всякого имущества и ничего не мог бы приобрести в будущем. Для того чтобы преступник мог как-то продолжать свое физическое существование, он должен передать свои силы государству, которое его будет содержать, т.е. преступник должен выполнять какие-то необходимые государствену работы, пребывая определенное время или пожизненно в состоянии своего рода рабства на каторжных работах. Этим самым справедливое возмездие требует назначения за кражу каторжных работ.

Как соотносится современное отечественное уголовное законодательство с кантовским принципом справедливого воздаяния, когда лицо, совершившее хищение чужого имущества, должно лишиться своего имущества? Статья 52 УК РФ, предусматривавшая конфискацию имущества у лица, признанного виновным в совершении преступления, в том числе хищения, убийства, взяточничества и других, утратила силу в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 года. Таким образом, законодатель, по сути, поощряет расхитителей и иных преступников к незаконному завладению чужим имуществом, поскольку оно не будет конфисковано. Вряд ли такое новшество уголовного закона сможет подорвать экономическую основу, прежде всего, организованной преступности, получившей широкое распространение в нашей стране.

Реализация требований карательной справедливости в отношении лица, совершившего

изнасилование или мужеложство, для Канта выражается в кастрации преступника (по нашему мнению, это вряд ли соответствует идее Канта об уважении к человеческому достоинству).

При совершении умышленного убийства преступник должен умереть, поскольку именно этого требует карательная справедливость. В подобном случае не может быть применено никакое иное наказание для удовлетворения требований справедливости. Нет и не может быть равенства между смертью и жизнью, даже жизнью, полной лишений (*в том числе в виде пожизненного лишения свободы — В.С.*). А потому убийство и наказание за него не могут быть уравнены никаким иным образом, кроме как путем казни преступника на основании судебного приговора. По Канту, смертная казнь убийцы — это требование справедливости, осуществление которой как высшей ценности человеческого общества диктуется категорическим императивом, абсолютным и безусловным велением нашего разума. Именно поэтому, считает ученый, даже если представить, что какое-то гражданское общество решило по согласованию всех своих членов себя распустить, перед этим все же должен быть казнен последний находящийся в тюрьме убийца. Это нужно для того, считает Кант, чтобы каждый получил то возмездие, которое он заслужил своим преступлением. Невыполнение этого требования позволило бы рассматривать весь народ данного общества как соучастника в явном нарушении справедливости.

И. Кант считал справедливым применение смертной казни не только за умышленное убийство, но и за государственные преступления. Он делает вывод, что самым лучшим уравниванием преступления для всех участников антигосударственного заговора в соответствии с требованиями общественной справедливости будет наказание каждого смертной казнью. Отступление от таких суровых требований справедливости в борьбе с подобными преступлениями возможно только в тех случаях, когда количество соучастников в государственных преступлениях будет настолько велико, что уничтожение их всех привело бы к гибели значительного числа граждан данного государства. В подобных случаях глава государства вправе брать на себя функции судьи и вынести приговор, применяющий вместо смертной казни другое наказание.

Проблема смертной казни — одна из острых и сложных проблем, которые стоят перед современным обществом. В Российской Федерации смертная казнь как исключительная мера наказания установлена ст. 59 УК РФ за особо тяжкие преступления (посягательство на жизнь других людей). Причем этот вид наказания может назначаться только тогда, когда суд пришел к выводу о невозможности назначить иной вид наказания. В настоящее время в России наложен мораторий на ее назначение. Указанная проблема широко обсуждается в нашей стране на всех уровнях, высказываются различные точки зрения на вопрос об отмене смертной казни. Есть и ее сторонники, и противники. С оговорками против отмены смертной казни выступают известные ученые-юристы А.В. Малько [7. С. 110], Н.И. Матузов [8. С. 207–208], А.С. Михлин [9. С. 154], за отмену этого вида наказания ратуют А.Б. Мезяев [10], Ю.А. Дмитриев [11. С. 8] и др.

Жизнь является основой других прав человека, ее никто не должен отнимать. Однако совершаются такие преступления, которые заставляют содрогаться от их хладнокровности и жестокости. Так какое же наказание можно применять к таким человеческим уродам?

Вина за конкретное преступление всегда лежит на человеке, который имел возможность выбора, и он выбрал, что отвечает свободной воле нарушителя закона [1. С. 136].

Преступник должен быть наказан, но нужно обратить внимание не только на его вину, но и на вину общества, государства. Преступниками не рождаются, а становятся, поэтому следует обращать внимание на воспитание, семейное положение, профессию, благосостояние людей, их культуру.

Вряд ли можно подойти к оценке смертной казни однозначно. Не следует ставить ее на первое место в предупреждении преступлений, но неправомерно и отрицать ее весьма высокую эффективность в качестве средства предупреждения преступности. Проблема смертной казни нуждается в дальнейших, глубочайших теоретических исследованиях, а не в рассуждениях на бытовом уровне.

Проанализируем рассуждения И. Канта относительно помилования осужденного. Применение наказания для реализации справедливости является для Канта требованием категорического императива, поэтому он в своей теории справедливости отрицательно относит-

ся к праву помилования преступника и считает это ограничением абсолютного требования категорического императива осуществлять общественную справедливость. С точки зрения Канта, право помилования как в виде смягчения наказания преступнику, так и в смысле его полной отмены является весьма и весьма сомнительным. Он оценивает помилование как нарушение справедливости и полностью отрицает допустимость применения помилования к преступлениям, совершенным одним подданным по отношению к другому. По его мнению, безнаказанность преступника будет глубочайшей несправедливостью по отношению к потерпевшему.

Говоря о помиловании, отметим, что назначение смертной казни не означало ее исполнения. В 1992–1994 годах количество помилованных в России составляло до 98% от числа рассмотренных дел осужденных к смертной казни. Фактический пересмотр 90–98% приговоров этой категории приводит к выводу, что наблюдалась корректировка судебной практики исполнительной властью (что вряд ли правомерно).

Требования Канта об осуществлении карательной справедливости на основе принципа воздаяния равным за равное, политически означали требование проведения принципа равенства всех перед законом. Поэтому кантовский принцип справедливого назначения наказания по существу был направлен против существовавшей в то время феодальной прусской юстиции XVIII столетия с ее сословным неравенством перед законом.

Бесспорно, требования карающей справедливости Канта не отличались мягкостью. Однако требования карательной справедливости Канта в той исторической обстановке, в которой они были высказаны, означали установление более мягкой и более человеческой репрес-

сии, чем та, которая осуществлялась феодальной юстицией.

Относительно кантовского понятия справедливости представляют интерес рассуждения некоторых ученых-юристов XX столетия. Так, рассматривая категорию «справедливость» как содержательный элемент идеи права и сущности понятия права, известный немецкий юрист Г. Радбрух, представляя ее неокантианскую трактовку, говорит о формальном принципе справедливости, который им раскрывается через принцип равенства [3. С. 352]. Он пишет: «Так как справедливость указывает нам на то, чтобы обходиться так: “равное равно, неравное неравно”, но ничего не говорит нам о точке зрения, по которой ее следует охарактеризовать как равное или неравное, то она (*справедливость* – В.С.) определяет лишь отношение, но не способ обхождения» [4. С. 22].

В основе правопонимания Г. Радбруха лежит приведенное понимание справедливости и равенства. По его мнению, если позитивное право расходится со справедливостью, то оно может являться действительным, но не естественным правом, а потому, пишет он, следует отказываться от послушания ему. «Если законы сознательно отрицают волю к справедливости, например, произвольно отказываются от гарантий прав человека, то такие законы не имеют действия, народ не обязан к послушанию им, и юристам тоже надо найти мужество отрицать их правовой характер» [3. С. 336]. Однако посткантовские теории о справедливости подробно нами не рассматриваются, поскольку нуждаются в более глубоком научном исследовании и осмыслении.

Итак, взгляды И. Канта на соблюдение справедливости при назначении уголовного наказания актуальны и в наше время, особенно для отечественной законодательной и правоприменительной практики.

Литература

1. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в шести томах. Том 4. П. М., 1965.
2. Кант И. К вечному миру. Сочинения в шести томах. Том 6. М., 1966.
3. Radbruch G. Gesetzliches Unrecht und ubergesetzliches Recht // Rechtsphilosophie. Heidelberg, 1983.
4. Luf G. Zur Verantwortlichkeit des Rechtspositivismus fur «gesetzliches Unrecht» // Nationalsozialismus und Recht. Witn, 1990.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. В 2 т. М., 1994. Т. 2.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 года. М., 2010.
7. Малько А.В. Смертная казнь: современные проблемы. Известия вузов // Правоведение. 1998. № 1.
8. Матузов Н.И. Право на жизнь в свете российских и международных стандартов // Известия вузов. Правоведение. 1998. № 1.

9. *Михлин А.С.* Смертная казнь: вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
10. *Мезяев А.Б.* Смертная казнь и современное международное право. М., 2006.
11. *Дмитриев Ю.А.* Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. 1999. № 6.

УДК 821.161. 1.0

ВЛАСТЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ В «БОРИСЕ ГОДУНОВЕ» ПУШКИНА И «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО» КАРАМЗИНА

*Сигида Людмила Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, sigidal@yandex.ru,
ФГОУВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», г. Москва*

The author analyzes the content and artistic relations of the imaginative world in the Pushkin's tragedy Boris Godunov with the interpretation of the fate of Boris Godunov in Karamzin's History of the Russian State. The study reveals the poetic reconstruction techniques, including mask-images of the king, appropriating the power against the moral law, which results in a personal disaster for the character and the tragedy of the Time of Troubles (Smutnoye Vremya) in Russia.

Анализируются содержательно-художественные связи художественного мира трагедии Пушкина «Борис Годунов» с интерпретацией Карамзиным судьбы Бориса Годунова в «Истории государства Российского», раскрываются поэтические приемы воссоздания, в том числе маски-образа царя-узурпатора, присваивающего себе вопреки нравственным законам не принадлежащую ему власть, что явилось причиной личной катастрофы героя и трагедии Смутного времени в России.

Key Words: *content and artistic relations, mask motive, power, morality*

Ключевые слова: *содержательно-художественные связи, мотив маски, власть, нравственность*

Оправданный интерес, который вызывают в последние годы личные и творческие отношения Пушкина и Карамзина, а также плодотворность исследований по истории создания и поэтики пушкинской драмы, все чаще и убедительнее звучащее утверждение о художественной природе «Истории государства Российского» побуждают обратиться к вопросу творческого перевоссоздания Пушкиным исторического повествования Карамзина о Смутном времени. Давно выявленные текстологические параллели [1. С. 286; 4. С. 57] во все не исчерпывают сложных содержательных связей трагедии Пушкина «Борис Годунов» и «Истории государства Российского» Карамзина, свидетельством тому — и посвящение, и признания Пушкина.

«Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина

Сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию

Посвящает

Александр Пушкин», —

такими словами, сопровождал поэт изданное в декабре 1830 года сочинение «Борис Годунов», причем, подчеркивая связь исторического повествования со своим произведением, он настаивал при подготовке первого издания трагедии именно на такой композиции строк.

30 января 1829 года А.С. Пушкин писал Н.Н. Раевскому: «Вот моя трагедия..., но я требую, чтобы прежде чем читать ее, Вы пробежали последний том Карамзина...» [6. С. 46] Требование поэта «перечитать Карамзина» актуально и для исследователей драмы, где поставлены во-